

Динамичное взаимодействие между религией и вооруженным конфликтом в Афганистане

Кен Гест

Кен Гест, ранее боец диверсионно-десантных войск, получивший подготовку для ведения военных действий в горах и арктических зонах. Уйдя из армии, начал работать независимым журналистом, специализирующимся на репортажах о партизанской войне. Он освещал советско-афганскую войну с 1980 по 1989 г., более тридцати раз совершал переходы вместе с моджахедами. Продолжает регулярно писать об Афганистане до сегодняшнего дня, проведя недавно в Афганистане три года. Этот журналист является членом комитета Фонда имени Рори Пека, членом-основателем клуба Frontline, он получил награду Королевского общества телевидения за лучший документальный фильм-расследование (об Афганистане).

Краткое содержание

При рассмотрении этой темы важнее всего понять, как сами афганцы воспринимают ситуацию. Следует также учитывать факторы, касающиеся окружающей среды, верований и характера, это более всего формирует их реакцию. Особенности окружающей среды легко определить и описать, но характер афганцев, их взаимоотношения с исламом и то, как эти два фактора сочетаются, обуславливая их методы ведения войны, это более сложные вопросы — поистине гордиев узел. Однако если прошлое аккуратно наложить на настоящее, возникает понимание контекста, что является ключом к решению загадки.

• • • • •

В начале XXI века в результате террористического нападения на Соединенные Штаты 11 сентября 2001 г. и последующих событий во всех дискуссиях, касающихся Афганистана, доминируют две темы: война и ислам. Допуская некоторое расхождение во мнениях даже у единомышленников, можно сказать, что участники дебатов разделяются на два лагеря: одни придерживаются западной интерпретации, а другие склоняются к тому, чтобы учитывать восприятие ситуации на местах. У сторонников обоих лагерей одни и те же вопросы, требующие толкования, и неправильное понимание позиций друг друга и событий на местах. Причиной тому в основном служит ошибочное представление о прошлом и настоящем и некоторое манипулирование и тем и другим для того, чтобы обосновать точку зрения или политическую программу, связанную с современным восприятием потребностей. Различные конкурирующие толкования осложняют рассмотрение как вопросов религии, так и войны в Афганистане. Настоящая статья является попыткой объяснить «динамическое взаимодействие между религией и вооруженным конфликтом в Афганистане» на основании конкретной реальности, а не умозрительных толкований.

И когда есть такая объемная и интересная тема, очень соблазнительно, хотя и неблагоразумно попытаться раскрыть ее в изоляции от сложившихся на данный момент обстоятельств. Совершенно неизбежно, что ландшафт, климат и существующие социальные условия оставляют свой отпечаток на характере людей, которые должны выносить множество испытаний, связанных с условиями их жизни. Все это имеет глубинное воздействие на их подход к жизни, их веру и те методы ведения войны, которые кажутся им предпочтительными. Поэтому, пытаясь понять взаимодействие между верой и вооруженным конфликтом в Афганистане, целесообразно, прежде всего, произвести разведку местности и характера окружения, в котором эти факторы действуют. Чтобы сдуть пыль, мешающую четко увидеть поле сражения, я выделил самые важные факторы, которые наиболее сильно повлияли на религию и ведение военных действий в Афганистане, и щедро воспользовался материалами наблюдателей XIX века, тесно общавшихся с афганцами в течение длительного времени, что теперь редко случается. Кроме того, прежде чем делать какие-либо выводы, я взгляну на землю, на которой живут афганцы, на афганцев, населяющих эту землю, на их веру и на характер вооруженного конфликта в Афганистане.

Земля, на которой живут афганцы

Афганистан описывали, как «Швейцарию Южной Азии»¹. Как и Швейцария, он не имеет выхода к морю, там берут начало крупные реки и проживают вместе несколько говорящих на разных языках националь-

1 Percy Sykes, *A History of Afghanistan*, Macmillan & Co. Ltd, London, 1940, Vol. 1, p. 2.

ных групп. Однако он значительно больше Швейцарии, как бы вырезан из северо-восточной оконечности Иранского плато и имеет площадь в 647 500 кв. км (то есть несколько больше Франции).

На территории Афганистана есть неприступные горы, которые один из первых европейских путешественников в эти края описывал как «дикое скопление холмов»². Многие из холмов, упоминаемых в этом точном описании, уходя вдаль, поднимаются еще выше, становясь величественными предгорьями Гималаев. Но Афганистан это не только горы, там есть и пустыни, протянувшиеся по его южной и западной границам. Шагая по его горам, по пустыням (где ноги по щиколотку утопают в мелкой всепроникающей пыли), я могу с уверенностью сказать читателю, что афганские пустыни по-своему не менее впечатляющи, когда просто идешь по ним, чем афганские горы. Голая земля, которую населяют афганцы, везде безводна и сурова, за исключением нескольких узких полосок плодородной почвы, которые плотно прилегают к извилистым речкам. Большую часть года речки представляют собой тонюсенькие ручейки или вовсе исчезают во время летней жары, наполняясь только зимой и выходя из берегов во время весеннего таяния снегов.

Писатель, живший в середине XIX века, описывал реальность существования афганцев следующим образом: «Они живут там, где сухой, солнечный, здоровый климат, однако колебания от жары к холоду весьма значительны»³. Ну, это очень сдержанная оценка. Испытав на себе больше, чем хотелось бы, этот «здоровый климат» во все времена года, поскольку находился с моджахедами во время советско-афганской войны⁴, — я бы описал климат этой суровой земли гор и пустынь как просто безжалостный: обжигающий зной летом и ледяной холод зимой.

Живете вы тут или просто путешествуете, знайте: Афганистан — это такое место, к которому надо относиться серьезно. Если вы недооцените, на что способны земля, климат и люди, последствия могут оказаться смертельно опасными. Жизнь в таких условиях, чаще всего без каких-либо удобств, предоставляемых XX или XXI веком (если говорить об условиях проживания и продуктах питания), да еще во время войны, учила смирению, особенно когда я находился рядом с людьми, которым было еще хуже — мало у кого были крепкая обувь или соответствующая зимняя одежда.

Афганцы, населяющие эту землю

Ведется научный спор о том, является ли афганское общество, даже среди пуштунов (или пуштумов, патанов, пахтунов и т. д.), племенным по своему характеру, но здесь не место участвовать в этом споре. Основу афганского

2 Mountstuart Elphinstone, *An Account of the Kingdom of Caubul*, London, 1815, p. 149.

3 John W. Kaye, *The War in Afghanistan*, 3rd edition, 3 vols, William H. Allen, London, 1874, Vol. 1, p. 11.

4 Советское вторжение началось в декабре 1979 г. и закончилось в феврале 1989 г.

общества, племенного или нет, независимо от этнических групп и географического положения составляют в основном сельские жители, у которых схожие социальные структуры, потребности и опыт. У них больше общего, чем различий — хотя афганец, близко к сердцу принимающий этот вопрос, не обязательно с подобным суждением согласится.

Ричард Тэппер определяет афганское общество как состоящее из слабо объединенных «локальных групп, в которых родство является определяющим элементом организации и члены которого считают, что они отличаются от других в культурном отношении (по обычаям, диалекту или языку и происхождению)»⁵. По словам одного из авторов начала XIX века, социальный порядок афганцев представлял собой «свободу, которая была их великим отличием от других народов Востока» и «смесью анархии и деспотичной власти»⁶. Тот же автор далее замечал, что западный путешественник, прибывающий из Индии,

«будет удивлен подвижностью и нестабильностью гражданских установлений. Ему будет трудно понять, как народ может существовать при таком отсутствии порядка; и пожалеет тех, кому приходится провести свои дни в подобных обстоятельствах и чей разум был сформирован их плачевной ситуацией, в которой процветали мошенничество и насилие, грабежи, обман и месть. И все же он вряд ли не восхитится их воинственным и возвышенным духом, их гостеприимством, их смелыми и простыми манерами»⁷.

В отношении большинства афганцев начала XXI века было бы правильным утверждать, что их повседневная жизнь немногим отличается от жизни их предков. Афганистан — это общество «взаимности», в котором обмен услугами и практика товарообмена являются нормой отношений между общинами, которые должны конкурировать и сотрудничать друг с другом. Им приходится управляться с этим, несмотря на размах социальной дезорганизации, вызванной постоянно развивающимся конфликтом, который ведется уже более 30 лет. Их защищают, как и прежде, прочные общественные установления, опирающиеся на семейные связи и связи внутри каждой общины. Эта социальная структура приспособлена к тому, чтобы защитить определенную группу одновременно как от внешней угрозы, так и от разного рода давления и раздоров внутри группы, которые случаются во всех доведенных до нищеты обществах.

По численности населения Афганистан приблизительно равен Техасу, и не удивительно, что суровое сочетание камня и песка, среди которых приходится жить коренному населению, в большой степени сформировало их характер — решительный, по мнению тех, кто знает их хорошо. На Западе афганцев исторически считали людьми, отличавшимися грубым прене-

5 Richard Tapper (ed.), *The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan*, Croom Helm, London, 1983, p. 9.

6 M. Elphinstone, примечание 2 выше, p. 148.

7 *Ibid.*, p. 149.

брежением к другим; г-н Темпл, секретарь Главного комиссара Пенджаба в 1855 г., описывал их так: «...дикари, возможно благородные дикари, и не без некоторого налета добродетели и щедрости, но все же абсолютные варвары»⁸.

В 1881 г. после второй англо-афганской войны Дензил Иббетсон⁹ заметил:

«Настоящие патаны являются, вероятно, самым диким из всех племен, с которыми нам приходится иметь дело в Пенджабе... Они в высшей степени кровожадны, жестоки и мстительны: они не знают, что такое истина или вера, поэтому выражение «у афганца нет совести» стало поговоркой среди его соседей»¹⁰.

Холдич утверждал, что патан «застрелит собственных родственников так же легко, как родственников своего врага — а может, и с большей готовностью — и стрелять будет в спину. И все же отдельному патану можно доверять, когда речь идет о преданности хозяину или о его обязательствах»¹¹. В середине XIX века Джон У. Кэй писал:

«Люди относились к племени или группе племен закаленных, энергичных горцев. Суровая природа страны оставила свой отпечаток на характере ее жителей. Смелые, независимые, но буйные и мстительные, само их существование, казалось, зависело от постоянной череды внутренних междоусобиц»¹².

Такие суждения — дань времени, обстоятельствам века. Их можно воспринять как одну из перестрелок никогда не прекращающейся почти настоящей или настоящей войны между Востоком и Западом. Однако сквозь пыль и дым этих сражений можно разглядеть, как появляется невольное уважение между противоположными системами власти. В работе, опубликованной в 1890 г., Эдвард Оливер писал:

«Когда вы встречаете патана, вы встречаете человека, подобного себе... Он никогда не разрешит вам оскорблять его, но это компенсируется тем, что он никогда не сделает так, чтобы вам захотелось этого... Он как само собой разумеющееся принимает свою независимость и редко демонстрирует ее грубо»¹³.

Наиболее критические замечания — это суждения, которые люди выносят, не вполне понимая реальность жизни афганцев. Жизнь простого

8 H.C. Wylly, *The Borderland: The Country of the Pathans*, Safdar Mehdi, Karachi, 1998 (впервые издано в 1912 г.), p. 5.

9 Дензил Чарльз Джельф Иббетсон (Denzil Charles Jelf Ibbetson) (1847—1908), этнограф и сотрудник Министерства по делам колоний Великобритании в Индии; Старший инспектор переписи в 1881 г. и автор хорошо принятого Доклада о переписи в Пенджабе, 1881 г., (*The Panjab Census Report, 1881*); позже (1898 г.) — Главный комиссар Пенджаба и заместитель губернатора Пенджаба в 1905—1908 гг. В 1903 г. он стал кавалером Ордена Звезды Индии.

10 Как цитирует Х. С. Уилли, примечание 8 выше, pp. 6—7.

11 *Ibid.*, p. 8.

12 J. W. Kaye, примечание 3 выше, Vol. 1, p. 11.

13 Edward E. Oliver, *Across the Border or Pathan and Biluch*, Chapman & Hall Ltd., London, 1890, p. 224.

афганца сурова и не прощает ошибок, он ежедневно ходит по краю пропасти, грозящей гибелью. Те, кто знал афганцев лучше всего и потому понимал контекст, отмечали, что, несмотря на шероховатости их характера, в них есть многое, достойное восхищения. По словам одного из авторов,

«даже если афганец покидает родной очаг, он остается самим собой. Он приходит, нестигаемый, мужественный, держится искренне и свободно... Он, конечно, будет грязен и, возможно, одет в тряпье, но он медленно войдет в вице-королевский зал для торжественных приемов, гордый, как Люцифер, с таким независимым видом, что дипломаты ему только позавидуют»¹⁴.

Прагматизм афганцев — это линия поведения, которая позволяет им выжить. Природа сурова и безжалостна, но афганцы стойко переносят все, что преподносит им мир. Именно такой решительный и жесткий подход к жизни дает им возможность справляться со всеми испытаниями, выпадающими на их долю. Не пытаюсь воспользоваться каждым случаем, дающим преимущество, или удобной возможностью, как бы мала она ни была, афганцы потерпели бы поражение от окружающей среды, не дождавшись поражения от врагов.

Мое мнение о характере афганцев было сформировано самым обыкновенным образом — я жил среди афганцев в их сельских общинах и исходил с ними вместе не один километр, не имея никакой дополнительной поддержки. Я жил непосредственно с этими людьми, разделяя с ними не только постоянные трудности и бедствия, но и простые радости, которые дает повседневное общение с теми, кто обитает на краю пропасти.

Живя в основном в нищенских условиях, они изо всех сил будут защищать то небольшое, что имеют, а иначе, если отдать это, последствия окажутся смертельными. В то же самое время большинство афганцев, независимо от степени своей бедности, рады, когда могут проявить некоторое гостеприимство. Но они могут и освободить путешественника от того, что они считают по праву своим — просто потому, что они сильнее. В 1989 г. у меня при неприятных обстоятельствах был опасный спор с бадмашем (бандитом) в долине Шомали именно по этому вопросу. Свое мнение он высказал предельно ясно, с угрозой применения силы — все, что оказывалось на территории, находящейся под его контролем, по праву принадлежало ему. Он выиграл спор благодаря своим громким аргументам и (по окончании стрельбы) очень близкому расстоянию от ствола его штурмовой винтовки АК-47 до моей груди.

В результате этой победы бадмаш завладел теми предметами, которые, по его мнению, свидетельствовали о чрезмерности моего богатства — моими часами и моими брюками! Когда мы расставались, что с моей точки зрения произошло не очень скоро, он казался весьма довольным своими трофеями, а я, в свою очередь, был абсолютно удовлетворен моей частью сделки — тем, что остался жив. Уходя как можно скорее и стараясь уве-

14 Н. С. Wylly, примечание 8 выше, р. 10.

личить расстояние между собой и бадмашем, я очень остро чувствовал разницу между ценностями афганцев и западных людей и понимал причины этого. Передо мной неожиданно встала трудная задача — уцелеть при встрече с человеком, живущим на грани жизни и смерти во враждебном окружении. Перед бадмашем стояла еще более трудная задача — ему приходилось выживать в таких условиях каждодневно. Воздействие такого образа жизни весьма ощутимо: средняя продолжительность жизни афганского мужчины в момент моей встречи с шомалийским бадмашем была немногим больше 41 года¹⁵ (к 2010 г. она возросла до 44—45¹⁶).

Чтобы оценить трудности, с которыми приходится сталкиваться афганцам, следует учитывать не только ландшафт и климат, социальный порядок и условия, существующие в рамках этого порядка; необходимо взглянуть и на историю. Представляется, что факты несколько отличаются от тех, которые сформировали широко принятое представление о том, что Афганистан никогда не был завоеван и покорен. На самом деле, история завоеваний Афганистана рассказывает нам о протоиндоевропейцах и цивилизации Оксус¹⁷, индоскифах, Персидской империи, Александре Македонском, селевкидах, Маурийской империи, Индобактрианской империи, кушанах, сасанидах, эфталитах (белых гуннах), хазнавидах и гуридах, исламском завоевании (которое началось в VII веке и продолжалось до завоеваний Абдур Рахманом последних язычников в конце XIX века в Нуристане), монголах, Тимуридской империи Хорасана и Бабур-Тигре из Центральной Азии. Когда Ахмад-шах Дуррани пришел к власти в 1747 г., Афганистан впервые получил свое имя. Началась быстрая экспансия, был захвачен Лахор (1752 г.), Герат (1753 г.) и Дели (1762 г.)¹⁸.

Неоднократные революционные перевороты такого масштаба оставляют психологические шрамы на обществе. Все осложняется, если это общество в большой степени обнищало и проживает в засушливом, изолированном горном регионе. Неудивительно, что такая история и такое географическое положение сделали афганцев подозрительными по отношению к иностранцам, прагматичными, когда дело идет о выживании (они делают то, что надо) и закаленными (надо быть в форме, чтобы выжить).

15 Public Data, доступно по адресу: http://www.google.com/publicdata?ds=wbwidi&met=sp_dyn_le00_in&idim=country:AFG&dl=en&hl=en&q=afghan+life+expectancy (последнее посещение 26 ноября 2010 г.).

16 Index Mundi, доступно по адресу: http://www.indexmundi.com/afghanistan/life_expectancy_at_birth.html (последнее посещение 26 ноября 2010 г.). Известно, что данные, касающиеся Афганистана, часто меняются, и поэтому трудно сказать что-то определенное. Следует отметить, что данные об ожидаемой продолжительности жизни опираются на оценки, основанные на исследованиях, проведенных среди городского населения, а не более репрезентативного сельского населения, ожидаемая продолжительность жизни которого может быть меньше.

17 Цивилизация Оксус была почти утеряна для истории, пока русские не начали вести раскопки в 1970-е гг.

18 Благодаря стремительному расширению была установлена западная граница, которая включала Мешхед (современный Иран) и плодородные долины Пенджаба к востоку. Дуррани присвоил себе блестящий титул Дурр-и-Дуррани (Жемчужина жемчужин), но после его смерти в 1772 г. Афганистан пришел в упадок и уже не оправился.

Вера

Картина жизни Афганистана не будет полной, если не рассказать об их верованиях, которые все прошли жестокие испытания насилем в своей истории. В наше время Афганистан является исламским государством. Как и большинство мусульман, афганцы — приверженцы суннитской ветви ислама. Если говорить более точно, то они придерживаются учения Ханафи, одного из четырех устоявшихся течений (которое терпимо относится к другим трем¹⁹), которое признает первых четырех халифов в качестве истинных последователей Мухаммада. Те, кто придерживается шиитского направления в исламе, кто признает власть, унаследованную зятем Мухаммада, Али, являются сторонниками джафаритской ветви шиитов.

Ислам и его предшественники

На Западе многие считают, что религиозные убеждения афганцев чрезвычайно сильны и ничто не может и не могло когда-либо их изменить. Это справедливо, только если мы рассматриваем под микроскопом очень ограниченный период времени и избегаем сложностей, возникающих при более широком изучении предмета. Фактически такое более широкое рассмотрение показывает, что верования Афганистана неоднократно подвергались тотальному пересмотру под влиянием пришельцев, которые навязывали свой образ жизни.

Самыми ранними верованиями в Афганистане были анимистические, затем языческие самых различных оттенков, которые сплавлялись с более старыми анимистическими. Греки привезли собственных богов, и произошло дальнейшее обращение в другую веру и слияние с ней, пока не наступила очередь индуизма. Это вероисповедание было вытеснено буддизмом, затем появились зороастрийцы и вытеснили буддизм со сцены. В VII веке по Афганистану покатилась волна ислама, последней из длинного списка религий, на которые афганцы возлагали свои надежды. В XX веке можно было наблюдать за тихим и медленным потоком, который пытался обратить массы в коммунизм. Некоторые были обращены или, по крайней мере, были готовы публично заявить об обращении для того, чтобы обеспечить себе более быстрый карьерный рост.

Благодаря паломничеству китайского буддиста Сюань Цзана, который в 627—643 г. пересек Афганистан на пути к священным для буддистов местам незадолго до появления ислама, отдельные детали афганского культа Жун сохранились для потомков. Говорили, что афганцы, исповадовавшие культ Жун, молились золотому идолу с рубиновыми глазами. Когда волна ислама смывала открытое поклонение идолам, приверженцы этого культа не захотели полностью отказаться от прежнего образа жизни.

19 Три другие — это маликитское, шафиитское и ханбалитское.

Вместо этого они предпочли отчасти адаптировать прежнее верование и вновь его использовать, чтобы оградить себя от неопределенности будущего. В результате такого осторожного подхода дух культа Жун остался жив, претерпев некоторые изменения, необходимые для того, чтобы приспособиться к исламу. Те, кто прежде поклонялся рубиноглазому золотому идолу Жун, стали поклоняться дракону (что, возможно, и лежало в основе культа с самого начала, поскольку не сильно отличалось от добуддистских верований Тибета, где почитался дракон). Поскольку это был дракон, а не идол, существовала возможность некоторой ассоциации с новой исламской верой, распространявшейся по Афганистану, так как в своей собственной стране мусульманский халиф Али прославляется как «победитель дракона». При пересказе в афганском контексте Али описывался как победитель доисламского бога-дракона в доказательство того, что ислам обладал большей силой, чем старые верования. Некоторые геологические формации афганцы все еще считают окаменевшими останками дракона, убитого Али²⁰.

Волны истории смыли большую часть свидетельств доисламских верований в Афганистане. Талибы постарались стереть с лица земли как можно больше зримых доказательств, особенно широко известно уничтожение ими огромных каменных Будд в Бамиане, которые в течение веков спокойно взирали на то, как Афганистан медленно продвигается к своему будущему.

Городские жители и крестьяне

Размышляя о реакции Афганистана на ислам, стоит процитировать слова французского ученого Оливье Роя:

«Есть два Афганистана — во-первых, место нововведений (bi'at); это естественная среда для государственного служащего, учителя, солдата... всех «интеллектуалов» и «обнаженногоголовых» (sarluchak), которые считались неверующими и надменными; и, во-вторых, провинция (ashraf), место религиозной традиции (sunnat) и ценностей, прошедших испытание временем»²¹.

И городские жители, и крестьяне склонны смотреть друг на друга с некоторым презрением. Крестьянину не нравится своеволие города, откуда руководство стремится распространить централизованную власть, которая не согласуется с его миром традиционных социальных ценностей и соответствующим порядком. С другой стороны, более образованные горожане свысока смотрят на крестьянина за то, что, по их мнению, он позорно избегает современных перемен. И те, и другие объявляют себя

20 Аждар — самые знаменитые из них. Они находятся недалеко от Бамиана, где когда-то стояли гигантские Будды.

21 Olivier Roy, *Islam and Resistance in Afghanistan*, Cambridge University Press, Cambridge, 1988, p. 10.

преданными мусульманами, но ни те, ни другие не верят в искренность противоположной стороны. На самом деле обе стороны принимают афганский вариант ислама, который, как оказалось, может прекрасно ассимилировать более старые устоявшиеся доисламские верования. Эта гибкость религиозных убеждений отражает готовность ислама несколько приспособиться к местным системам верований для того, чтобы установить более тесную связь с населением.

Большинство населения Афганистана — это пуштуны, которые считают себя потомками общего предка, Кайса. Чтобы укрепить свой статус мусульман, они заявляют, что Кайс был современником пророка Мухаммада, который лично обратил его в ислам. Это воздействует на восприимчивую пуштунскую аудиторию, которая таким образом укрепляет свое превосходство над всеми остальными этническими группами в Афганистане, поскольку они, по праву своего толкования прошлого, рассматривают себя как первых мусульман, а не просто вновь обращенных.

Еще одно установление, с которым все афганцы согласны — право придерживаться различных мнений относительно почти всего другого, а притом, что споры носят эмоциональный характер, все становится крайне запутанным. Многие проблемы проистекают из расколов внутри самого ислама, то есть между суннитами и шиитами и далее в результате межрелигиозного разделения этих лагерей на конкурирующие отколовшиеся группы (такие, например, школы, как имамиты и исмаилиты у шиитов и суфийское братство тарика у суннитов и т. д.).

Несмотря на эти проблемы, если речь идет о мусульманской вере в Афганистане, все афганцы заявляют о том, что являются правоверными мусульманами, и относятся к этому очень серьезно. Степень чувствительности связана с тем ухабистым путем, которым ислам идет в Афганистане — сражаясь с обломками предыдущих систем верований и населением, которое сопротивляется полному соблюдению правил, сохраняя приверженность идентичности, определяемой региональными, этническими и культурными различиями.

Ислам и обычное право Афганистана

Кроме того, что существуют противоречия в связи с толкованием в исламе правильного пути, исламу в Афганистане пришлось бороться и с конкурирующими нормами обычного права афганского общества. Эта линия разлома касается вопросов власти, как религиозной, так и общественной по своему характеру. Свидетельством тому служат многочисленные титулы, такие как ахунзада, малик, мир, маланг, мулла, маулави, маулана, пир, сайед-хан и т. д. и постоянно изменяющийся уровень ранга, важности и общественного влияния, которое они имели.

Из всех действующих обычных законов самым влиятельным является закон Пуштунвали, который применяется по отношению к пуштунам, которые составляют большинство населения. Пуштунвали — это

неписанный кодекс поведения пуштунов, в соответствии с которым строится порядок в их обществе и распределяется влияние. Я говорю «порядок и влияние», а не контроль и командование, поскольку Пуштунвали представляет собой идеал, а не абсолют — нечто напоминающее западное понимание рыцарства. Так же, как и рыцарство, он может толковаться на индивидуальном уровне (порой бывает весьма творческое толкование) и может всеми нарушаться. Тримя основными столпами Пуштунвали являются нанг (честь — социальная концепция, разделяемая непуштунами); мелмаestia (гостеприимство, несмотря на бедность; это качество также почти универсально для всех афганцев); и строжайшее обязательство — бадал (месть, что также характерно для всех афганцев, хотя и не так строго формулируется, понимается в соответствии с библейским понятием «око за око»). Многие непуштуны говорят, что пуштуны «используют наполовину Коран, а наполовину Пуштунвали» в качестве своих руководящих принципов.

По деликатному и возбуждающему эмоции вопросу о подчинении исламской вере афганец не нуждается в замечаниях посторонних и не стремится узнать их мнение, поскольку, правильно это или нет, он считает себя более сведущим в этом отношении, нежели любой посторонний человек. В своей оценке друг друга афганцы могут оказаться самыми строгими критиками.

Афганский воин-поэт XVII века Хушхаль-хан Хаттак²², во многом являющийся воплощением всех черт пуштуна, писал, что афганец, разделяющий взгляды суфийских «мистиков», был «заодно» с неверующими²³. Он не менее пренебрежительно отзывался о белуджах и хазарейцах, называя их «грязными и омерзительными... У них нет ни скромности, ни веры»²⁴. И хотя он призывал к единству среди племен для того, чтобы оказать сопротивление моголам, он не верил, что они могут достичь этого единства, и нотки отчаяния звучат в его поэме, озаглавленной «Патан»:

Из патанов, которые известны в земле Рох²⁵,
Сейчас есть моманды, бангаши, оракзай и афридии.
Собаки момандов лучше, чем бангаши,
Хотя сами моманды в тысячу раз хуже, чем собаки,
Оракзай питаются падалью у афридиев,
Хотя афридии, как один, и сами падальщики²⁶.

22 Хушхаль-хан Хаттак (Khushal Khan Khattak) (1613–1690) был, как показывает его имя, ханом племени Хаттак, славным воином и поэтом, который написал более 45 тыс. стихотворений. См.: С. Biddulph, *Afghan Poetry of the Seventeenth Century: Being Selections from the Poems of Khushal Khan Khattak*, Kegan Paul & Co., London, 1890.

23 Henry George Raverty, *Selections from the Poetry of the Afghan: From the Sixteenth to the Nineteenth Century*, Williams and Norgate, London, 1867, p. 213.

24 Ibid., p. 187.

25 Прежнее название народа Рохилканда, 'земля рохиллов', сейчас известна как Сулеймановы горы, где живут племена юсуфзаев.

26 Translated in С. Biddulph, *Afghan Poetry*, доступно по адресу: <http://www.afghan-network.net/>

Как бы ни был строг Хушхаль-хан Хаттак в своих суждениях о других афганцах и об их верности принципам исламской доктрины, он, как и многие афганцы, излагая свои взгляды, использует два уровня: один уровень — для оценки других, второй — для оценки самого себя. Если речь заходила о его собственных делах, он щедро разрешал себе отступления от норм, со страстью описывая свою любовь к пьянящим винам и женщинам. В те времена доисламское прошлое все еще напоминало о себе, и употребление вина было обычным явлением в сообществе афганцев, а Герат и Кабул славились качеством своих вин.

Тогда, как и сейчас, «внутреннее разнообразие подходов, толкований и интересов в афганском обществе»²⁷ приводило к значительным противоречиям и в том, как афганцы рассматривали себя и толковали ислам и свои отношения с верой, и в том, как они объясняли все это при наличии требований, налагаемых нормами морали и образом жизни в соответствии с обычным правом, которое существовало задолго до прихода ислама. Поскольку эта проблема касается вопросов чести, она очень деликатна и вызывает эмоциональное толкование, как на уровне отдельного человека, так и на уровне общества.

Характер вооруженного конфликта в Афганистане

Традиционный афганский метод ведения войны до и после установления ислама был ясным, простым, жестоким и эффективным, в основе его лежало одно абсолютное правило: победы или погибни. Такой выбор идеально подходил прагматичному характеру афганцев, которые привыкли действовать решительно. Однако он противоречил тому, что можно назвать цивилизующими требованиями новой формы ведения военных действий, предписываемыми принципами ислама. При попытках понять это следует помнить, что не все нормы, новые или старые, выполняются точно в соответствии с буквой закона или даже с его духом, по крайней мере, когда речь идет о войне.

Исламские нормы ведения войны

Новый способ ведения войны, который устанавливал ислам, нелегко давался афганцам, и не только потому, что был для них новым, но и потому, что он был более сложным и временами противоречил существующим правилам применения силы. Новые нормы регулировали такие вопросы, как «побочный ущерб», наносимый гражданским лицам. Это была серая зона в соответствии со старой системой, но по исламским нор-

biographies/khattak.html (последнее посещение 15 января 2011 г.).

27 Bo Huld and Erland Janson (eds), *The Tragedy of Afghanistan: The Social, Cultural and Political Impact of the Soviet Invasion*, Croom Helm (in co-operation with the Swedish Institute of International Affairs), London, 1988, p. 12.

мам ведения войны некомбатанты находились под защитой, и им нельзя было причинять вреда. Новые правила включали и ограничения на нападения на раненого противника — в соответствии со старой системой это была идеальная возможность для нанесения смертельного удара и достижения победы, но по исламским правилам раненым нельзя было причинять вреда²⁸. Даже пленные, самые настоящие военные трофеи, оказывались под защитой: по нормам ислама им также нельзя было причинять вреда²⁹. Это, действительно, было горькой пилюлей в условиях, где бадал (кровная месть) традиционно составлял неотъемлемую часть войны. Для афганцев эти новые правила регулировали мельчайшие подробности, дело доходило даже до запрета на повреждения деревьев³⁰ — задолго до того, как появление «зеленых» в политике бросило вызов всем правительствам в конце XX и начале XXI веков!

И что было делать закаленному афганскому воину под напором новых исламских правил применения силы, от которых голова шла кругом? С самого начала он делал то, что умел делать хорошо, то, что считал нужным и что он делал всегда. Он пренебрег мельчайшими деталями, более склонный видеть всю картину в целом, и начал пробираться по лабиринту исламских правил так же, как он пробирался по извилистому лабиринту своих гор — часто требовалось двигаться зигзагообразным путем, чтобы обойти естественные преграды и барьеры в виде гор и рек. Такой подход дал афганцам возможность охватить общую концепцию, но из деталей выделить наиболее пригодные элементы.

Ни население в целом, ни фактически муллы, избранные для того, чтобы руководить ими в лабиринте ислама, не знали Коран хорошо. Большинство афганцев были не только неграмотны — даже если бы они умели читать, они бы встретились еще с одним препятствием для четкого понимания новой религии — Коран был написан на арабском, а не на их родных языках. Поэтому для толкований оставалось обширное поле, некоторые при этом исходили из добрых побуждений, а некоторые подходили к делу произвольно, с тем чтобы их толкование соответствовало реализации их собственных устремлений. В ходе этого процесса появлялись широкие возможности для такой интерпретации, которая была удобна

28 «Не убивай раненых, не преследуй отступающих и щади всех, кто сложил оружие». Hadith, al-Zuhri, from Imam 'Ali ibn al-Hussein, as quoted in Imam Muhammad Shirazi, *War, Peace and Non-violence: An Islamic Perspective*, London, 2003, p. 45, доступно по адресу: <http://www.scribd.com/doc/4084892/Imam-Muhammad-Shirazi-War-Peace-and-NonViolence-an-Islamic-Perspective> (последнее посещение 26 ноября 2010 г.).

29 «Пленных держите в крепких оковах; а затем — или свобода им, или выкуп за них, тогда уже, когда война кончит свои тяжелые подвиги. Так!» (Коран, 47: 4) . Перевод Г.С. Саблукова.

30 В 632 г., после смерти Пророка Мухаммада, Абу Бакр (первый халиф) принял на себя руководство и давал указания Усаме бен Зайяду, 18-летнему предводителю карательной экспедиции на сирийскую границу. Среди прочего был приказ «не срубать фруктовые деревья». Maliks Muwatta, Book 021, Hadith Number 010, цит. по: Sami Zaatari, *The Prophet Muhammad Said Don't Kill Women and Children*, доступно по адресу: http://muslim-responses.com/No_killing_women_and_children_/No_killing_women_children_ (последнее посещение 26 ноября 2010 г.).

для афганцев; интерпретации, которая незаметно подталкивала новые исламские нормы войны поближе к старым методам ее ведения. И возникал некий адаптированный свод норм, которые удовлетворяли афганское понятие чести, уступая понемногу требованию изменений, — люди прошли очень суровую школу жизни и знали, что всякое изменение чрезвычайно непредсказуемыми последствиями. Это был подход, который позволял афганцам сохранить свои сильные стороны и верность своей религии и одновременно не утратить сопротивляемость, гибкость и прагматизм, которые уже давно помогли им выживать в непредсказуемом и не прощающем ошибок мире. Это можно назвать политикой выживания. Пеннел описывал такое попури мотиваций как «странную смесь противоречащих друг другу качеств, когда мужество объединяется с хитростью, самое подлое предательство — с трогательной верностью, пылкий религиозный фанатизм — с алчностью, которая заставляет его (афганца) предавать свою веру»³¹.

Эта очень афганская установка заставила конкурирующие и часто противоположные нормы ислама и афганского обычного права вместе толкаться на ухабистой дороге, двигаясь в одну сторону. Темперамент афганцев заставлял их концентрироваться не на бессмысленном теоретизировании, а на том, что действительно было важным — нужно было жить, приспособившись к последствиям всего этого, и искать решения, которые сработают. Поэтому когда надо было принимать решение, они почти всегда выбирали то, которое наилучшим образом подходило для достижения ближайшей цели. Таким образом, они могли быть религиозными и благочестивыми или прагматически безжалостными; фанатиками и в то же время проявлять достаточно гибкости, чтобы оставить себе место для маневра. Это идеально подходило афганцам, как в повседневной жизни, так и на полях сражений.

Сосуществуя со старыми верованиями и нормами поведения и сплавляясь с ними, хотя технически они были не в ладах, ислам занял доминирующее положение в афганском обществе. В рамках такой системы он стал общим знаменем, объединяющим более старые, неписанные и существующие ныне нормы, которые сплавивают афганцев в их подходе к ведению войны.

Афганская война XIX века

Посторонних наблюдателей уже давно ставят в тупик противоречия в толковании ислама афганцами и их правила применения силы во время военных действий. Когда британцы встречались с афганцами в XIX веке во время вторжения или приграничных перестрелок на северо-западной границе Британской Индии, они обнаруживали, что афганцы «испове-

31 Theodore Leighton Pennell, *Among the Wild Tribes of the Afghan Frontier: A Record of Sixteen Years' Close Intercourse with the Natives of the Indian Marches*, 2nd edition, Seeley and Co. Ltd., London, 1909, p. 17.

дуют магометанство³² и строго придерживаются предписаний Корана», но на самом деле у них «мало какой-либо религиозности» и «немного почтения к муллам»³³.

После Тирахской³⁴ кампании 1897—1898 гг. на старой северо-западной границе Индии британцы были обескуражены, обнаружив, что вербовка на военную службу мужчин из тех племен, которые совсем недавно участвовали в кровопролитных сражениях с ними, проходила «очень оживленно»³⁵. С точки зрения афганцев это было вполне разумно и просто отражало гибкость, с которой они подходили к решению проблем существования в двух конкурирующих системах организации их общества. Афганцев не волнует, как к ним относятся иностранцы, для них важно, как они сами себя оценивают.

На самом деле Восток и Запад не так уж сильно различались, разница была особенно заметной в том, какими методами они предпочитали вести войну: британцы использовали традиционно жесткую систему, а афганцы — менее консервативную, более гибкую систему, лучше подходящую к их окружению. Со временем британцы узнали больше от афганцев, нежели афганцы узнали от них, и приняли такой стиль военных действий на северо-западной границе Индии, который очень напоминал афганский подход к войне — прагматичный, гибкий, с использованием всех возможностей для достижения победы.

В XIX веке военные действия на границе между Британской Индией и афганскими племенами можно было характеризовать выражением «око за око»: за авантюрными налетами племен следовали марши карательных колонн британских колониальных сил. Цель заключалась в том, чтобы заставить нападавших должным образом расплатиться, что должно было послужить сдерживающей мерой и предотвратить набег в будущем. Политика эта получила название «ударь и беги» — быстро напасть, произвести как можно больше разрушений и благоразумно отойти как можно скорее. Как и большинство военных действий, в которых участвовали племена, подобный конфликт следовал определенной схеме, предусматривавшей сезон кампаний, когда и осуществлялась в основном военная деятельность.

И когда в ткань афганского общества был вплетен ислам, муллы стали играть важную роль в этих нескончаемых конфликтах. Они часто использовали свое положение, чтобы в ходе споров подтолкнуть племена к боевым действиям, которые якобы освящались исламом. Это мало отличалось, если вообще отличалось, от риторики, которую мы слышим в раз-

32 Термин «магометанство» некоторые мусульмане считают оскорбительным, потому что им кажется, что он означает поклонение Мухаммаду, а не Аллаху (Богу). Он сохранен здесь в цитате, так как, будучи взят из свидетельства того времени, отражает некоторую путаницу, присущую толкованию ислама сторонними наблюдателями в XIX веке.

33 E. E. Oliver, примечание 14 выше, р. 184.

34 Тирах был изначально в границах Афганистана, сейчас находится на территории Пакистана в силу исторических изменений границ.

35 H. C. Wylly, примечание 8 выше, р. 10.

ных частях Афганистана сегодня. Иногда муллы могли воспользоваться какими-то обстоятельствами на местах, а некоторые использовали собственную репутацию (заработанную благочестивым поведением, шаманским искусством врачевания или предоставлением амулетов для отворачивания несчастий или физического увечья) для того, чтобы добиться политического влияния или возможности руководить конфликтом. Это была война очень жестокая, в которой ни одна из сторон не была склонна брать противников в плен, а раненые, оставшиеся на поле боя, не могли рассчитывать на пощаду. Такая жестокость не одобряется ни исламом, ни христианством, но она была нормой, которой придерживались обе стороны, хотя и в различной степени и с разными обоснованиями.

Разгром британских сил, отходящих из Кабула в январе 1842 г. (первая англо-афганская война, 1839—1842 гг.), рассматривался афганцами как правильная мера, предотвращающая новое вторжение. Афганцы эффективно уничтожили своего врага, но неправильно оценили последствия, не предвидев, что придут другие войска, чтобы взыскать расплату. В этом отношении британцы не допускали ошибок. И направив после этого свои силы в Афганистан, они назвали их «Армия возмездия». В терминологии афганцев это был бадал — они понимали такое очень хорошо.

Британские армейские подразделения (оказавшиеся в ловушке в Кабуле) сначала пытались отойти, заключив какое-то соглашение. Главный британский представитель в Кабуле, Уильям Ней МакНагтен, встретился с сыном афганского эмира, Мохаммадом Акбар-ханом, чтобы обсудить условия. Это был тактический дипломатический ход, который явным образом давал ему право на защиту в соответствии с обычными нормами афганского гостеприимства — нормами, которые налагали на Акбар-хана обязательство защищать своего гостя. Но все произошло иначе. МакНагтена схватили и убили во время встречи; как говорят, убивал сам Акбар-хан из пистолета, которой был ему подарен МакНагтеном в знак дружбы. Позже Акбар-хан отрицал этот факт, заявляя, что он не участвовал в захвате МакНагтена, а пытался вывести его в безопасное место. Ну, участвовал он в захвате или выводил, случилось то, что случилось: МакНагтен был мертв и его голову на пике выставили на обозрение на кабульском базаре.

Когда полевые войска начали выход из Кабула, оказались нарушены все гарантии безопасного прохода, которые были даны афганцами. Современные британские исследователи сосредоточивают внимание на двуличности афганцев, а не на глупости собственного командира. Ужасная судьба МакНагтена должна была бы послужить достаточным предостережением — не все пойдет гладко, и следует принять необходимые меры предосторожности для обеспечения планируемого отхода. Вместо этого армейские подразделения отдали себя в заложники фортуны и в результате потерпели унижительное поражение.

Неудивительно, что британцам очень не понравилась жестокая резня, в результате которой они потеряли почти всю армию. Афганцы видели все в

совершенно другом свете. То, что британцы сочли предательством, поскольку все соглашения о безопасном проходе были нарушены, в глазах афганцев было просто эффективным способом заставить своего противника, армию Великобритании, занять наименее благоприятную для себя позицию, что увеличило шансы на победу афганцев, полностью уничтоживших противника. Несмотря на пренебрежение и своими обычными законами гостеприимства во время переговоров и затем исламскими законами об обращении с ранеными и пленными, они считали, что подобный ход событий прежде всего демонстрировал эффективность их методов ведения войны — безжалостный удар сбоку, сочетавший вероломство и силу. Это были методы, приспособленные именно к партизанской войне, а не массовым динамичным столкновениям во время обычных военных действий. Партизанские войны чаще всего кровавые и затяжные — это изнурение сил противника, а не выводящие из строя решительные столкновения. В конце концов британцы и афганцы остались при своем мнении, и британцы отошли назад в Индию, предоставив Афганистан его собственным внутренним конфликтам, сдвигаясь к пограничным столкновениям.

Вторую англо-афганскую войну (1878—1880) британцы объясняли как политическую необходимость, а афганцы как джихад, или священную войну. На самом же деле обе стороны лицемерили. Вновь начать поход через границу англичан побудило вовсе не беспокойство о том, что Афганистан вторгнется в Индию, а опасение, что Россия может получить политическое влияние над Афганистаном. Реакция афганцев вызывалась необходимостью защитить не ислам, но свою территорию, где набор в вооруженные силы можно было лучше всего провести, призвав к джихаду. Такой обман своего народа со стороны правительства, которому надо выдвинуть повод для начала войны, порицается в наш XXI век, но явление это вовсе не новое.

Победа в Афганистане обуславливается как умонастроениями, так и реальностью. Понятие афганцев о чести неразрывно связано с чувством независимости в рамках своего собственного пространства. Поэтому уход британских сил во второй раз в 1880 г. афганцы праздновали как победу. Однако это была странная победа: были смещены подряд два афганских эмира (Шир-Али и его сын Якуб-хан), не допущен к власти следующий за ними наследник (Аюб-хан, брат Якуб-хана), введен в должность ставленник Британии (Абдур Рахман) и Афганистан утратил самостоятельность в своей внешней политике (которую Британия контролировала в течение последующих 39 лет).

Одержав «победу», афганские племена рассчитывали на то, что все будет, как раньше. Но этого не произошло. Вместо того, чтобы получить автономию на своем собственном пространстве, на что племена надеялись, они столкнулись с требованием нового эмира Абдур Рахмана подчиниться все расширяющемуся контролю со стороны центрального правительства. Однако эмир разумно умерил свои требования, учитывая характер афганского общества и его религиозную сверхчувствительность,

создавая альянсы, там, где это соответствовало его целям, и применяя давление в других случаях. Надо отдать должное Абдур Рахману — в качестве эмира Афганистана он оказался очень умелым политиком, сохраняя ненадежное равновесие, которого требовала его роль. В целом его воспринимали как правителя, поддерживающего и ислам, и обычные законы, а он в то же время пытался отвлечь внимание широких слоев населения от тех проблем, которые могли поставить под вопрос его полномочия. Во многих отношениях обладание исламским знаменем рассматривалось всеми сторонами в качестве ключевого фактора. В последовавшей затем борьбе за власть ислам использовался для поддержки как старого образа жизни, так и нового. Можно поспорить с утверждением будто «у афганцев нет совести»; но абсолютная истина заключается в том, что ее нет у политической целесообразности.

После того, как осела пыль второй англо-афганской войны, Абдур Рахман начал закладывать фундамент новой версии Афганистана как исламского государства, продвигающегося в сторону современности. Между тем сама страна сползала, насколько это было возможно, назад, к сезонным нормам фракционных внутренних и пограничных распрей. Часто они вспыхивали в силу традиционных причин афганских конфликтов — пуштуны называли их зар, зан, замин (богатство, женщины, земля). Возможно, что с учетом засушливости большинства земель и нищенского существования ее обитателей, более точным выражением было бы «богатство, земля, вода». И шла нескончаемая борьба за контроль над этими тремя элементами, но о защите «чести» неизбежно вспоминали, когда один из них оказывался под угрозой.

По мере того, как государство стремилось расширить свое влияние и добиться доминирующего положения при толковании исламских и обычных законов, стало неизбежным его столкновение с населением различных регионов в разные периоды времени в связи с теми или иными местными ревностно охраняемыми установлениями. В этом отношении сам ислам по-прежнему противоречил обычному образу действий — включая афганский метод ведения войны, вся история которого учила, что для достижения успеха не существует полумер и что ценой поражения оказывается уничтожение.

Афганская война XX века

В соответствии с исламом джихад можно определить двумя способами: более серьезная борьба — это повседневное внутреннее сражение, которое каждый человек должен вести, чтобы придерживаться истинного пути исламской веры. Менее важная форма джихада — борьба, которая ведется в защиту самого ислама. Чтобы борьба определялась как джихад в исламском контексте, эта последняя его форма должна быть ответом на нападение на сам ислам. На такое нападение правоверные могут законным образом ответить, применив силу, которая может потребоваться для

уничтожения агрессора. И еще до конца XX века этот вид джихада накрыл густой тенью весь Афганистан — по иронии судьбы это происходило в ходе войн, которые велись не против британцев, но против России, той самой страны, которую сюда пыталась не допустить Британия, начав две войны с Афганистаном³⁶. В применяемых методах войны сказывалось динамичное взаимодействие между конфликтом, исламом и государством, взаимодействие, которое история уже давно приготовила для афганцев и стала безжалостно его реализовывать.

После советского вторжения в декабре 1979 г., когда противник стал видимым, и враги воспринимались как безбожные язычники, полные решимости свергнуть ислам в Афганистане, уже не было сомнений в законности джихада. Чем шире распространялись повстанческие действия, тем больше силы применяли советские войска для их сдерживания. И обычные законы, и исламские были преданы мечу и подверглись жестокому испытанию. Сопутствующий ущерб, причиненный гражданскому населению, сыграл роль катализатора, и конфликт начал распространяться, как лесной пожар — разгораясь вдоль видимой линии фронта и достигая таких высоких температур, что в непредсказуемых местах вспыхивали новые очаги. Бушующий пожар распространялся быстрее, чем могли его сдерживать советские и афганские вооруженные силы вместе. Если проводить эту аналогию дальше, то можно сказать, что афганская армия, которая участвовала в усилиях по сдерживанию, была похожа на дырявый пожарный шланг, поскольку многие солдаты дезертировали и перебежали на другую сторону.

Традиционно муллы отвечали исключительно за духовное состояние общины — роль, которая автоматически не предполагала какой-либо власти, кроме духовного руководства. Хотя они часто действовали в качестве беспристрастных посредников в целях смятения конфликта в рамках своих общин и со своими ближайшими соседями, они, за редким исключением, не были значительными фигурами в неофициальной иерархии афганского общества. Религиозный мандат обеспечивал им определенное уважение, но не настолько, чтобы сильно их возвысить.

Однако с началом джихада обстановка неопределенности обусловила необходимость в большей духовной поддержке, и муллы, будучи духовными руководителями общин, получили прекрасную возможность укрепить свое влияние. Те, кто имел репутацию особенно благочестивых или мог заявить о своем происхождении от потомков Мухаммада, начали пользоваться значительным влиянием. И все-таки, хотя ислам был у всех на устах, на первой стадии конфликта муллы были просто частью эгалитарного общества, испытывающего все усиливающееся давление. Когда нужно было выбирать лидеров, афганцы больше ценили умение применять силу, а не умение говорить речи. Если сначала потребность в лидерах

36 Третья англо-афганская война 1919 г. велась по другим причинам.

удовлетворялась племенными старейшинами (малики и ханы выступали на первый план), то в местных ополчениях командование поручалось, чаще всего при единодушной поддержке, людям на основании их действий и силы личности, а не из-за титулов, и решения эти могли пересматриваться.

Конечно, когда крестьянское афганское общество столкнулось с мощью современной супердержавы и началась война, афганцы несли ужасные потери. Многие из первых лидеров были быстро убиты, что дало другим, включая мулл, новые возможности для продвижения. Постепенно принадлежность к исламскому духовенству стала иметь больше значения в борьбе за лидерство в ополчениях, созданных местными общинами, и ополчения стали определенно считаться моджахедами (воинами джихада), а не обычными лашкарами (временные добровольные отряды, создаваемые племенами для самообороны или поддержки союзников).

Новый тип войны отличался от сезонной схемы военных действий, типичной для конфликтов, которые велись в доиндустриальных обществах и с которыми афганцы до этих пор были знакомы. В этой новой войне никто не «клял камень на гору» — традиционный способ обозначить окончание конфликта текущего сезона для того, чтобы дать возможность обеим сторонам заняться сбором урожая или пахотой и севом зерновых для получения урожая в следующем году. Однако граница между старым и новым была размыта, потому что конфликт велся между неравными сторонами — советская армия сражалась по-новому, а афганцы пытались воевать по-старому. В результате, на полях сражений можно было увидеть как вьючных животных, так и боевые вертолеты; армейские ботинки и босые ноги; незамедлительную медицинскую эвакуацию и смерть на склонах гор от гангрены; вызов огневой поддержки по радио и молитву о помощи, обращенную к Богу. На острие копья эти две системы сражались и истекали кровью на одной и той же земле, но очень по-разному чувствовали, что же такое взаимодействие между религией и вооруженным конфликтом в афганском контексте.

По мере расширения масштабов войны и тайной поддержки, оказываемой Западом и Саудовской Аравией, медленный карьерный рост для большинства мулл превратился в скоростной. В значительной степени это объяснялось тем, как Запад позволил Пакистану структурировать сопротивление моджахедов — наиболее фундаменталистские фракции получали самую значительную поддержку. В таких обстоятельствах чем радикальнее был мулла, тем с большей вероятностью он мог заручиться поддержкой одной из политических партий в изгнании, через которые поступала помощь, организуемая Пакистаном. Пакистан ограничил признание групп моджахедов семью партиями, входящими в политический альянс, где каждая из них соперничала с другими. Все тайные поставки оружия и денег, осуществляемые другими странами, проходили по этому узкому бутылочному горлышку. Чтобы получить оружие или средства в Афганистане, моджахеды должны были присоединиться к одной из этих партий. Моджахеды,

смотрящие в глаза смерти в Афганистане, презрительно называли эти партии «спак духана» («шесть магазинов»³⁷), где материальная поддержка продавалась за обязательство сохранять верность.

Это не было системой, предназначенной для поощрения объединенного сопротивления советской угрозе. Даже связывающий их клей ислама не мог заставить партии сотрудничать. В результате ситуация идеально служила провозглашенной пакистанским президентом Зия-уль-Хаком цели — «держат войну кипящей на медленном огне, но не дать ей убежать через край». Следование пакистанским интересам имело свою цену — продление страданий для афганцев и увеличивающиеся финансовые затраты для доноров, оказывающих поддержку, таких как Соединенные Штаты и Саудовская Аравия — и создавало идеальную среду для эксплуатации со стороны политически мотивированных фундаменталистов, ведущих джихад.

Нельзя удивляться тому, что не все является черно-белым в стране противоречий с набожными афганцами, с одной стороны, и коммунистами — с другой. Несмотря на силу ислама в Афганистане, афганское коммунистическое правительство оставалось у власти. Большинство людей из образованной элиты не были готовы выносить трудности и подвергаться опасностям, которыми полна жизнь в горах с моджахедами, ведущими джихад. Они в основном либо сидели на заборе и надеялись, что все станет лучше, либо вставали на сторону коммунистов, чтобы постараться повернуть будущее в свою пользу, либо активно убегали за границу³⁸ — и все ж ухитрялись считать себя хорошими мусульманами. Кроме того, многие простые афганцы, которые остались в стране, были призваны в ряды Афганской армии и использовались в качестве щита из пушечного мяса Советской армией или служили у полевых командиров ополчения, поддерживавшего коммунистическое правительство.

С уходом русских 15 февраля 1989 г. Америка объявила о победе, охарактеризовав ситуацию как поражение СССР на поле боя, а не вывод войск в связи с опасениями, касающимися более масштабных экономических проблем. Никто не обратил особо пристального внимания на афганцев, которые кровью заплатили за достигнутые результаты. Они победили не благодаря поставкам нескольких ракет «стингер» к концу конфликта или более хорошей подготовке (которой не было почти ни у кого), не было у них и разумно составленного генерального плана (чему мешали противоречия в рамках движения сопротивления). Они победили, поступая по-старому — они продержались дольше интервентов, и после тяжелых испытаний, выпавших на их долю, ислам был их единственным посто-

37 Под руководством Пакистана по тайной системе снабжения поступали средства и оружие для семи политических партий, а не шести, но не все из них можно было принимать всерьез.

38 По некоторым оценкам 3,3 млн человек бежали в Пакистан и почти два миллиона — в Иран. Для образованных и состоятельных это был первый шаг на пути в более отдаленные страны в Северной Америке, Европе, Австралии и т. д. Очень немногие из образованных людей остались воевать с СССР, предоставив бороться и погибать самым обездоленным группам населения.

янным утешением. В результате ужасов войны земля была изуродована, люди разбросаны или сломлены, но две вещи оставались неизменными: способность афганцев выносить невыносимое и их преданность мусульманской вере.

Однако несмотря на эту преданность вере, некоторые ее толкования начали меняться. Религиозная власть мулл не только усилилась, но многие моджахеды и муллы, которые руководили ими, теперь столкнулись с более радикальной интерпретацией ислама. Изменения были вызваны влиянием со стороны более строгого и сурового течения ислама, который процветал в Саудовской Аравии и был известен как ваххабизм³⁹. В этом ответвлении ислама лежали семена радикального фундаментализма, которого сегодня на международной арене придерживаются такие экстремистские группы, как «Аль-Каида».

Афганцы умеют учиться и учиться хорошо, они с осторожностью относятся к иноземцам, которые заявляют о том, что представляют их интересы. Им снова и снова приходится делать очень трудный выбор, и они предпочитают делать его сами, особенно если речь идет о том, как им строить свое общество и следовать своей вере. Как таковые их убеждения и решимость никогда не бывают тверже, чем тогда, когда они чувствуют давление, прижатые спиной к стене. Сельские жители не воспринимают автоматически центральное правительство как силу, гарантирующую большую стабильность на местах. С их точки зрения чаще всего правительство полно решимости лишить их того малого, что они имеют, путем сбора налогов или выжимая их всех, что можно, коррупционными методами, которые используют назначенные управленцы в условиях, когда процветают отношения покровительства или покупки должностей.

Это очень далеко от стабильности их собственной традиционной системы, какой бы шероховатой она ни была, которая опирается на авторитет собрания общины (которое называется «джирга» на языке пушту) и решения, принятые консенсусом. Джирга представляет собой примитивную форму демократии, несколько напоминающую политическое устройство древних Афин, известное как *dēmos kratos* (власть народа), отсюда появился термин «*dēmokratia*» (демократия).

Заключение

Запад сейчас требует поддержать очень отличающийся от джирги тип демократии — демократии современного западного образца, которую почти невозможно реализовать в Афганистане после более 30 лет кон-

39 Название «ваххабизм» ведет свое происхождение от имени богослова XVIII века Мухаммеда ибн Абд-аль-Ваххаба, уроженца тех мест, где сейчас находится Саудовская Аравия. Он проповедовал очень суровое толкование ислама, которое, по его мнению, больше соответствовало учению Пророка Мухаммада.

фликта, политического, социального и религиозного. Попытка осуществить это делается на фоне продолжающегося и расширяющегося конфликта, все более разрывающего ткань афганского общества и втискивающего исламскую веру афганцев во все более фундаменталистскую форму. Афганцы снова очутились в тисках, принуждаемые пришельцами изменить свой образ жизни, подталкиваемые центральным правительством к тому, чтобы уступить контроль над своим пространством, и вынужденные иметь дело с динамичным взаимодействием ислама и вооруженного конфликта в рамках своего развивающегося общества.

В Афганистане, в силу особенностей его ландшафта и истории общества и народа, конфликт может с легкостью приобрести латентный характер из-за «тумана войны», о котором говорил Клаузевиц⁴⁰. Чтобы избавиться от дымовой завесы риторики, маскирующей в современной войне пространство, где идет сражения, следует сказать, что здесь и в религиозном, и в вооруженном конфликте борьба ведется за умы людей, которые живут в земле Рох, этой древней земле, которую мы называем теперь Афганистаном.

Доказательством тому служит математика конфликта. После 2003 г. сторона, которая была слабее, у которой было гораздо меньше оружия и возможностей, стала набирать силу. Для Запада суть стратегии не заключается в синхронизации действий с характером конфликта, который им приходится вести. Тем временем силы «Талибана» жестко придерживаются того, что им хорошо известно — *как события воспринимаются*, — и используют это преимущество очень эффективно для того, чтобы не только сдерживать более мощные силы, но и готовиться к тому, чтобы нанести им поражение. Если Запад хочет найти решение, применяя оружие, он пойдет ко дну, поскольку этот путь не позволяет ему правильно понять истинный характер конфликта — сражение за овладение умами и контроль над ними.

Если внешние силы хотят только хорошего, но воспринимаются как неправые и причиняют побочный ущерб по мере своего продвижения (оскорбляя веру и нарушая границы пространства коренного населения), ситуация ухудшается экспоненциально по мере усиления их попыток. Надо отметить, что хотя Запад и является «пришельцем», ошибочно было бы считать «Талибан» полностью «своим» для афганцев. По сути своей современный джихад, ведущийся «Талибаном», афганцам не менее чужд, чем Запад, просто он лучше замаскирован и более созвучен местной динамике. Эти отличия дают талибам преимущество на ранней стадии борьбы за умы. Запад можно сравнить с осой, запутавшейся в паутине, — чем энергичнее

40 «И наконец, все данные во время войны настолько неточны, что это представляет собой особую трудность, поскольку все планирование действий происходит до определенной степени в сумерках, что, кроме всего прочего, часто придает вещам преувеличенные размеры и неестественный вид, как это бывает из-за тумана или лунного света».) (перевод МККК) Carl von Clausewitz, *On War*, Project Gutenberg, Chapter II, Section 24, доступно по адресу: <http://www.gutenberg.org/files/1946/1946-h/1946-h.htm> (последнее посещение 26 ноября 2010 г.).

он пытается высвободиться, тем более запутывается, и его шансы на нанесение решительного последнего удара все тают. Спасение зависит от того, будет ли понята динамика паутины и будет ли это понимание использовано должным образом. Традиционная сила афганцев заключается в основном в их способности выносить трудности дольше, чем их враги, — поэтому их стратегия направлена на то, чтобы заставить осу трепыхаться и истощить свои силы. Талибы не планируют одержать победу, штурмуя бастионы; они собираются победить, когда их истощенный противник потеряет желание продолжать войну или просто самоуничтожится.

Проведя много времени с афганцами в условиях конфликта, я посоветовал бы послушать их, если речь идет о войне с ними. В начале XIX века генерал Элфинстоун спросил афганского старейшину, не будет ли афганцам лучше жить в условиях системы централизованного управления. Афганец был кристально честен, отвечая на этот вопрос: «Мы согласны мириться с разногласиями, мириться с опасностями и с кровопролитием, но мы никогда не согласимся с тем, чтобы над нами стоял какой-то хозяин»⁴¹.

Это так и сегодня. Выход из афганской трясины возможен при изменении сознания — путем создания дружественных союзов на местном уровне, поскольку именно восприятие на местном уровне имеет основное значение. Это требует большей региональной автономии, чем допускает существующая структура управления в Афганистане. И тогда местные альянсы будут поддерживать правительство, действующее в качестве административного центра, а не монолитного чудовища, склонного к коррупции и полагающегося на создание и применение значительной силы для подавления населения и осуществления командования. Если население будет оказывать сопротивление, у противостоящей стороны появятся возможности повлиять на сознание людей более эффективно и тем самым обеспечить себе поддержку.

Чтобы добиться лучших результатов в афганских горах, Запад должен изменить свои методы ведения войны — начиная с попыток понять динамичное взаимодействие между религией и вооруженным конфликтом в Афганистане. В конце концов победит тот, кто поймет истинную динамику на местах и сумеет должным образом воспользоваться этим. В сущности, Запад должен усвоить старый урок: чтобы нормально чувствовать себя в афганском пространстве ведения войны, необходимо больше походить на афганцев и быть выносливым, быстрым, прагматичным и гибким.

41 М. Elphinstone, примечание 2 выше, с. 174.